

Игумен Андроник (Трубачев)

Афонский спор об имени Божиим и его последующая судьба

Поводом к афонским спорам об имени Божиим 1912–1913 гг. послужила книга схимонаха Илариона «На горах Кавказа» (1907), написанная старцем-подвижником, который жил в уединенном кавказском скиту. «Опираясь на древних отцов и из современных церковных писателей в особенности на о. Иоанна Кронштадтского и на епископа Игнатия Брянчанинова, схимонах Иларион выясняет в своей книге, что спасительность молитвы Иисусовой – в привитии сердцу сладчайшего Имени Иисусова, а оно Божественно, оно – Сам Иисус, ибо Имя неотделимо от Именуемого»¹. Высокие состояния во время молитвы, опытно известные автору книги «На горах Кавказа», побудили его прийти к такому выводу: «В Имени Божиим присутствует Сам Бог – всем Своим существом и всеми Своими бесконечными свойствами»². Вскоре по выходе книги последовала отрицательная рецензия: «Автор номинальное, невещественное имя «Иисус» олицетворяет в живое и самое высочайшее Существо Бога. Такая мысль есть пантеистическая»³, – писал один из насельников Афона.

По своему отношению к книге русские монахи на Афоне разделились на две партии. Одна из них, горячо одоббив книгу и ее автора, встала на защиту почитания имени Божия, доведя эту идею до формулировки предельно острой: «Имя Божие есть Сам Бог». Эта партия считала себя следующей православному преданию и называла себя «имеславческой». Другая, отрицавшая божественное достоинство имени, принимавшая лишь ограниченное его почитание, обвиняла противников в ереси и определялась ими как «имеборческая». «Имеборцы», которые также считали, что они следуют православному учению, называли «имеславцев» «имепоклонниками» и «имябожниками». Постепенно спор, начавшийся на Афоне, втянул в себя широкую церковную общественность, православных иерархов – в том числе и греческих, – богосло-

¹ *Свящ. Павел Флоренский*. Предисловие «От Редакции» к книге: *Иеросхимонах Антоний (Булатович)*. Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус. М., 1913. С. IX.

² *Схимонах Иларион*. На горах Кавказа (третье издание). Киев, 1912. С. 16.

³ *Инок Хрисанф*. Рецензия на сочинение схимонаха о. Илариона «На горах Кавказа». В кн.: Святое Православие и имябожническая ересь. Харьков, 1916. С. 5.

вов, светских философов. Эта полемика имела тяжелые последствия для многих ее участников и оказалась серьезным потрясением для Церкви, вскрывшим ее внутреннее неблагополучие.

Но положительным моментом афонских споров было то, что они дали определенный толчок развитию церковной и религиозно-философской мысли. Суть полемики была та же, что в средневековом споре реалистов и номиналистов: речь шла об онтологичности или же условности имени, конкретно – имени Божия; ключевыми понятиями, которыми оперировали обе стороны, были привычные для церковной мысли категории сущности и энергии («действия Бога», вошедшие в богословие в XIV в. во время паламитских споров¹). Глава афонского имеславия иеросхимонах Антоний (Булатович) в своем основном сочинении так формулировал идеи своих сторонников: «Воистину Имя Божие есть словесное действие Божества»; «Всякое Имя Божие, как истина Богооткровенная, – есть Сам Бог, и Бог в них пребывает всем существом Своим, по неотделимости существа Его от действия Его»². Противная же сторона говорила о «религиозном атавизме» и языческом уклоне имеславия, обвиняла имеславцев в том, что они превращают имя Божие в идола, утверждала, что Бог выше всякого имени, – в именах же Божиих заключена энергия лишь человеческая.

Этот взгляд был поддержан влиятельным в высших кругах архиепископом Антонием (Храповицким), а затем и архиепископом Никоном (Рождественским) и стал официальной точкой зрения Синода Русской Церкви. Однако сочинения как защитников Имени Божия, так и их противников отличались противоречивостью, терминологической неясностью и непоследовательностью. Это отразилось в Синодальном послании от 18 мая 1913 г. «...по поводу новоявленного учения книги «На горах Кавказа». С одной стороны, там утверждалось, что «Имя Божие свято, и достопоклоняемо, и вожделенно, потому что оно служит для нас словесным обозначением самого превожделенного и святейшего Существа – Бога, Источника всяких благ. Имя это божественно, потому что открыто нам Богом, говорит нам о Боге, возносит наш ум к Богу и пр. В молитве (особенно Иисусовой) Имя Божие и Сам Бог сознаются нами нераздельно, как бы отождествляются даже, не могут и не должны быть отделены и противопоставлены одно другому...». Однако дальнейшее изложение совершенно противоречило тому, что было заявлено: «...но это только в молитве и только для нашего сердца, в богословствовании же,

¹ См. об этом, напр.: *Архимандрит Киприан. Антропология св. Григория Паламы*. Ч. 2. Гл. 5. Париж, 1950.

² *Иеросхимонах Антоний (Булатович). Апология веры во имя Божие и во имя Иисус. М., 1913. С. 5.*

как и на деле, имя Божие есть только имя, а не Сам Бог и не Его свойство, название предмета, а не сам предмет, и потому не может быть признано или называемо ни Богом (что было бы бессмысленно и богохульно), ни Божеством, потому что оно не есть и энергия Божия»¹. Такое утверждение противоречило даже и прилагаемому для обоснования Синодального послания докладу С. В. Троицкого, в котором говорилось: «Имя Божие, понимаемое в смысле откровения Божия, и притом по его объективной стороне, то есть в смысле открывания истин человеку, есть вечная неотделимая от Бога энергия Божия, воспринимаемая людьми лишь настолько, насколько допускает это их тварность, ограниченность и нравственное достоинство. К употребляемому в таком смысле слову имя приложимо наименование **Божество**»².

Дальнейший ход событий привел к тому, что стороны вместо выявления православного учения об имени Божиим и уяснения того, в чем они сходились во взглядах, а в чем расходились (по существу или вследствие терминологического различия) – обратились к взаимным упрекам и опровержениям опровержений. Серьезному обсуждению вопроса в дальнейшем не способствовала также церковно-политическая борьба группировок и само положение защитников имени Божия, оказавшихся под каноническими запрещениями. Наиболее последовательно имеславие критиковалось преподавателем Петербургского духовного училища С. В. Троицким; у него обнаруживаются попытки установить природу слова как такового – и при этом он выступает как убежденный номиналист: «Имена сами по себе нисколько не связаны с предметами. Ни один предмет сам по себе в наименовании не нуждается и может существовать, не имея никакого имени. Имена предметов нужны только нам для упорядочения своей психической деятельности и для передачи своей мысли о предмете другим. Имя есть лишь условный знак, символ предмета, созданный самим человеком»³. На стороне афонских имеславцев была значительная часть русского монашества (в том числе прп. Варсонофий Оптинский, игумен Герман Зосимовский), хотя после определения Синода поддержка эта носила, разумеется, скрытно-молчаливый характер. Также поддерживали имеславцев такие крупные богословы, как митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский), архиепископ Феофан (Быстров), епископ Федор (Поздеевский), ректор Московской Духовной академии, про-

¹ Сборник документов, относящихся к афонской имябожнической смуте. Пгт., 1916. С. 26–27.

² Цит. по кн. *Эрн В.* Разбор Послания Святейшего Синода об имени Божиим. М., 1917. С. 38.

³ *Троицкий С. В.* Учение афонских имябожников и его разбор. СПб., 1914. С. 18.

фессора Московской Духовной академии священник Павел Флоренский, М. Д. Муретов, московский кружок ищущих христианского просвещения (М. А. Новоселов, Ф. Д. Самарин, С. Н. Булгаков, В. А. Кожевников, В. Ф. Эрн), а в 20-е годы А. Ф. Лосев и математик Д. Егоров.

Произошел ряд выступлений философов в защиту имеславцев – среди них выделяются блестящие статьи В. Ф. Эрна. В частности, В. Ф. Эрн указывал, что в основе имеборческих положений послания Синода и приложенных к нему докладов лежат субъективистская теория Милля и кантианская феноменалистическая антропология, по которой человек замкнут и безусловно ограничен сферой явлений своего сознания¹. В этом В. Ф. Эрн видел наступление протестантского духа Германии на православный дух России, которое предшествовало мировой войне.

В 1913 г., еще до выхода Синодального послания, священник Павел Флоренский издает и снабжает анонимным предисловием «От редакции» (10 марта 1913 г.) книгу иеросхимонаха Антония (Булатовича) «Апология веры во имя Божие и во имя Иисус». В предисловии Флоренский писал: «Можно допустить, что история споров связана со многими местными и личными столкновениями и даже дразгами: так бывало в истории и других догматических споров. Но все это – временное и преходящее. А вечно и непреходяще самое выяснение основного вопроса. Возможно, эти личные столкновения промыслительно оказались поводом к выяснению столь существенного вопроса об имени Божиим. Как вопрос центральный, он связывается со всеми точками духовного понимания жизни, со всем кругом веры, и нет ничего удивительного, что в поднявшихся спорах выступают мотивы разнообразнейшие. Для церковного решения их требуется весьма не мало подготовительных специальных трудов. Настоящее же сочинение, первый из таких трудов, начинается с того, с чего и должно начинать, – с Библейского и святоотеческого учения об Именах Божиих. При этом оказывается, что учение имепоклонников о Божественности имен Божиих не что иное, как частный случай общего Церковного учения о Божественности всякой энергии Божией. Но возникающие при этом философские, психологические, исторические и пр. вопросы автором сознательно обходятся. Так, конечно, и следует начинать. Однако данная работа не только не исключает, но и требует новых работ, в ином направлении, и иных срезам, расследующих те же вопросы»².

¹ См.: Эрн В. Ф. Разбор Послания Святейшего Синода об имени Божиим. М., 1917. С. 24. Его же: Спор об имени Божиим. Христианская мысль, 1916. № 9.

² *Иеросхимонах Антоний (Булатович)*. Указ. соч. С. IX.

Однако было бы большой ошибкой и несправедливостью считать, что общая идейная поддержка афонских имеславцев рядом перечисленных богословов и философов означала идентичность с их взглядами и одобрение их поведения в церковной жизни (см.: *Священник Павел Флоренский*. Переписка с М. А. Новоселовым. Томск, 1998).

«В 1918 г. <вопрос об имеславии> был снова поставлен перед Всероссийским Церковным Собором. Но здесь имеславие имело авторитетных сторонников в среде ученых и епископата, и Собор выделил особую подкомиссию (под председательством архиепископа Феофана Полтавского) для изучения этого вопроса. О. Сергей Булгаков вошел в ее состав, но Собор, выполнив самые неотложные церковные задачи, должен был вследствие революционных событий прекратить свое существование, и работа подкомиссии ограничилась двумя вступительными заседаниями. Комиссия успела, однако, распределить свои основные задания между членами, и о. Сергию был поручен вступительный доклад по вопросу имеславия»¹. Позднейшая книга протоиерея Сергия Булгакова «Философия имени» (1923 г.) выросла из этого доклада.

Без изучения материалов Собора 1917–1918 гг. невозможно окончательно судить о направлении работы комиссии, хотя ее состав и само создание говорят о том, что вопрос должен был получить какое-то новое решение. Можно, однако, предположить на основании последующих событий, что отсутствие нового решения по вопросу об имеславии вызывалось не только прекращением работы Собора.

Во-первых, архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), главный противник имеславия, был одним из наиболее видных деятелей Поместного Собора: один из трех кандидатов на Патриаршество, а в дальнейшем вошел в Патриарший Синод. В то же время бывший митрополит Московский и Коломенский Макарий, главный защитник имеславцев, не был допущен на Собор.

Во-вторых, среди самих афонских имеславцев, вероятно, не было единства взглядов и действий. Одни, во главе которых был занятый внутренним деланием архимандрит Давид, более всего стремились к церковному миру и к тому, чтобы с них было снято клеймо еретиков. Другие, во главе с иеросхимонахом Антонием (Булатовичем), издавшим в 1917 г. книгу «Моя борьба с имеславцами на Святой Горе», заняли крайне непримиримую и вызывающую позицию, считая свои формулировки учения об имени Божиим окончательными и единственно верными.

¹ Зандер Л. Бог и мир. Т. 1. Париж, 1948. С. 53.

Беспрестанные ходатайства иеросхимонаха Антония о пересмотре вопроса по существу с догматической точки зрения возымели обратное действие. Постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода от 8/21 октября 1918 г. было определено: «Данное митрополитом Макарием, б. Московским, разрешение в священнослужении на время войны афонским инокам <...> считать прекратившим свое действие. <...> Дело об учении имебожников предано Российской церковной властью Священному Собору, от которого и будет зависеть разрешение всего дела по существу»¹. Часть афонских имеславцев, не смирившаяся с молчанием Поместного Собора и данным постановлением Патриаршего Синода, отложились от Церковной власти и удалилась на Кавказ. Сам иеросхимонах Антоний уехал в свое бывшее имение в Луцыковку и там был убит грабителями в ночь с 5 на 6 декабря 1919 г. Другая часть имеславцев, в их числе архимандрит Давид, осталась в Москве и в приуказненных монастырях, надеясь, что когда спадет пыл борьбы, если не судьбы имеславия, то хотя бы их участь, может быть пересмотрена. Действительно, уже 6 ноября 1920 г. епископ Тульский и Одоевский Ювеналий свидетельствовал пред Святейшим Патриархом Тихоном православность архимандрита Давида и других имеславцев и ходатайствовал о снятии с них церковного запрещения.

«Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь!

Еще в мае текущего года ко мне обратились с письмом Ник. Мих. Соловьев и Вл. Андр. Симанский, в коем указывают на бедственное положение афонских монахов, именующих себя имеславцами, находящихся в пределах России вот уже в течение 7-ми лет и умирающих без напутствия и церковного погребения, и просили меня принять участие в облегчении их такого ужасного положения, так как многие из них, по их словам, страдают совершенно невинно, находясь под церковным запрещением, не будучи испытаны в истине православия, а также просили меня побеседовать хотя бы с некоторыми из них, проживающими в г. Москве и Московской епархии, чтобы убедиться в их православии. Вскоре после сего они привели ко мне афонского мон. Иринея и затем афонских монахов Петра и Манассию, почти в то же время мне пришлось познакомиться и с о. архим. Давидом.

Из личной моей неоднократной беседы с ними и знакомстве в течение 5-ти с лишком месяцев я вполне убедился, что они православные, и чего-либо еретического в их суждениях мною не было замечено. Монах Иринея с благословения Вашего Высокопреосвященства был даже мною прислан к Вам для личной бе-

¹ Архив священника Павла Флоренского.

седы с ним, и, как Вы изволили мне сказать, Вашим Высокопреосвященством в нем не было ничего усмотрено еретического.

На основании вышеизложенного и по личной просьбе сих афонских иноков приемлю смелость покорнейше просить Ваше Высокопреосвященство о снятии церковного запрещения, наложенного на архим. Давида, бывш. настоятелем Андреевского скита на Афоне и монахов Афон. Пантелеим. Мон. Иринея, Петра и Манассию, и присовокупить, что о. Давид и о. Ириней проживают ныне в часовне Свят. Николая на Таганке в г. Москве, а о. Петр в Николо-Песковском мон. Московс. еп., а <не разб.> Манассия находится у брата в пределах Московс. еп. <...>¹

Можно предполагать, что именно это ходатайство было удовлетворено, так как имеются достоверные свидетельства о том, что в начале 20-х годов архимандрит Давид неоднократно сослужил Святейшему Патриарху Тихону.

Но это было лишь частным каноническим решением вопроса о судьбе имеславцев. Вероятно, по благословению архимандрита Давида в 1921 г. в Москве начали проходить общественные беседы и чтения по вопросу об имеславии, а в 1922 г. возник имеславческий кружок. Цель бесед и кружка была двоякая: 1) ознакомить церковные круги с имеславием, 2) разработать учение и формулировки, которые удовлетворяли бы имеславцев и могли бы быть приняты будущим Поместным Собором.

Имеславческий кружок, объединявшийся вокруг А. Ф. и В. М. Лосевых, состоял из Д. Ф. Егорова, П. С. Попова, Н. В. Петровского, Н. М. Соловьева, В. Н. Муравьева, А. В. Сузина, Г. И. Чулкова, Ф. Г. Пономарева, В. А. Бискарева, М. Н. Хитрово-Крамского, Н. Н. Бухгольца, Г. А. Рачинского, В. Л. Олсуфьева и монахов-имеславцев: архимандрита Давида, иеромонахов Манассии, Иринея (см. об этом: Тахо-Годи А. А. Лосев. М., 1997. С. 109–111). Доклады в имеславческом кружке стали ядром работ А. Ф. Лосева об имени Божиим и по соприкосновенным темам (см. А. Ф. Лосев. *Философия имени*. М., 1927; *Имя*. М., 1997).

Активным участником чтений и бесед по имеславию был священник Павел Флоренский. Удалось выявить десять выступлений и бесед Флоренского в Москве в 1921 г. по вопросам имеславия.

Особенностью бесед и обобщающей работы священника Павла Флоренского «Имеславие как философская предпосылка» (1922 г.) было то, что проблематика их сосредотачивалась на рассмотрении имеславия как философской предпосылки общечеловеческого миропонимания. Об имени Божиим в отличие от афонских имеславцев Флоренский мыслил, во-первых, антиномичес-

¹ Архив священника Павла Флоренского.

ки (имя Божие есть Бог, но Бог не есть имя), во-вторых, синергетически (в имени Божиим он признавал сопряжение двух энергий, Божией и человеческой).

Особого внимания заслуживает также письмо Флоренского, написанное им 19 февраля 1923 г. по просьбе архимандрита Давида имеславцам, уехавшим на Кавказ.

Позднее кавказское имеславчество 20-х и последующих годов, в своей болезненной фиксации на имени как таковом потерявшее чувство меры и горделиво отложившееся от церковной власти, хотя бы и ошибившейся, стало чуждым и Флоренскому, и архимандриту Давиду. То, что в данном письме Флоренский склонен заступаться за синодальных богословов, говорит о его разрыве с эпигонами имеславия.

Выводы: Афонский спор об имени Божиим должен быть соборно изучен, после этого обсужден и представлен на решение Поместного Собора, как это и предполагалось постановлением Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода 21 (8) октября 1918 г. Первым шагом к этому может быть включение темы «Афонский спор об имени Божиим» в каталог тем Богословской синодальной комиссии и создание рабочей группы по этой теме внутри Богословской синодальной комиссии с привлечением необходимых специалистов.

Примерный перечень вопросов, входящих в тему «Афонский спор об имени Божиим»:

1) история Афонского спора; 2) канонические вопросы Афонского спора; 3) оценка книги схимонаха Илариона «На горах Кавказа»; 4) оценка книг иеросхимонаха Антония (Булатовича); 5) оценка Синодального послания 1913 г. и связанной с ним литературы; 6) оценка сочинений священника Павла Флоренского, В. Ф. Эрна, протоиерея Сергия Булгакова, А. Ф. Лосева и др. по вопросам Афонского спора; 7) церковное учение об имени Божиим и Иисусовой молитве; 8) философские учения об именах в связи с церковным учением об имени Божиим.

Источники и литература (кроме указанных в тексте):

1. *Флоренский П. А.* Сочинения. Т. 2. М., 1990.
2. *Флоренский Павел, свящ.* Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3 (1). М., 1999.
3. Начала. Религиозно-философский журнал. Имеславие. Вып. 1. М., 1996.
4. Начала. Религиозно-философский журнал. Имеславие. Вып. 2. М., 1999.

Приложение

Священник Павел Флоренский.

Проект текста для нового послания об Имени Божиим.
Октябрь 1917 г.

1. Синодское Послание об «афонской смуте» имело в виду внести мир в жизнь Русской Церкви и прекратить возникшую распрю о почитании Имени Божиего. Однако последствия Послания не оправдали возлагавшихся на него ожиданий, распря не прекратилась, взаимоотношения спорящих сторон лишь ожесточились. К тому же Послание Св<ятейшего> Синода вполне или частично не приемлется многими из тех, за кем нельзя не признать особенной ревности о спасении.

2. Заботясь о благе Церкви, Церковная власть признает дело об афонской смуте подлежащим пересмотру, а Послание, имевшее непосредственную задачу дисциплинарное воздействие, а не окончательное решение догматических вопросов, неточным, особенно если понимать его как формулировку догматов.

3. Послание Св<ятейшего> Синода было написано при необходимости принять решительные меры к прекращению смуты и, кроме того, не имело задачу положительно раскрыть Церковное учение об имени Божиим. Поэтому в Послание могли попасть выражения неточные, которые, как выяснилось, смутили и смущают некоторых верующих, заставляя их подвергать сомнению правильность веры иерархии и даже отпадать от общения с епископатом. Усматривая вред для общего дела церковного строительства, Церковная власть предпочитает отказаться от Послания как примера соблазна, нежели оставлять его в ущерб миру церковному.

Но с другой стороны и смущающиеся этим Посланием должны признать, что точный смысл некоторых из выражений их писаний был разъяснен ими самими лишь впоследствии и первоначально заставлял подозревать неправомыслие, против какового, собственно, и было направлено Послание.

4. В настоящее время Церковная власть признает, что в споре об Имени Божиим <1 ноябр.> между обеими спорящими сторонами было много недоразумений и взаимного непонимания. Пора положить конец этой розни, затянувшейся из-за общественного смутного для Церкви времени¹.

5. Но за всем тем, нельзя отрицать, что Афонским спором затронуту дело великой важности и что это дело – выяснение и фор-

¹ Последние пять слов расшифрованы предположительно.

мулировка церковного учения об имени Божиим – должно продолжаться. Церковная власть признает, что до сих пор нет еще окончательно выраженной и церковно признанной формулы догмата об имени Божиим, но, с другой стороны, на окончательной формуле, предложенной афонскими монахами, настаивают далеко не все сторонники именованья. Таким образом, окончательное выяснение учения церковного об имени Божиим есть дело будущего и подлежит еще обстоятельной богословской проработке соборному обсуждению.